

Виктор СЕНК

ОТ ШАХТЫ – К ГОРОДУ!

Об авторе очерка

Трудовая деятельность Виктора Константиновича Сенка началась и завершилась в Кемеровской области с уходом на пенсию (1953–1998 гг.). По специальности он – горный инженер-маркшейдер. Из 45 лет трудового стажа более 30 лет приходится на строительство угольных предприятий (шахт, разрезов, обогатительных фабрик).

В. К. Сенк работал в Междуреченске, Березовском, Анжеро-Судженске, Кемерове. В числе шахт и разрезов, в строительстве которых он принимал непосредственное участие – шахта «Березовская», о возведении которой повествует автор.

Я стал специалистом – маркшейдером с шахтостроительным уклоном, шахта определила дальнейшую направленность моей деятельности. Вот три знаменательные даты из трудовой биографии города Березовский, где я жил и работал 11 лет. В августе 1949 года было образовано Березовское шахтостроительное управление (далее БШСУ) треста «Кемеровошахтострой» для целевого строительства шахты «Березовская». 4 ноября 1958 года коллектив БШСУ сдал в эксплуатацию эту шахту – первую в Березово-Бирюлинском месторождении коксующихся углей.

Более 50 лет назад родилась шахта, на которой установлены кузбасские, всесоюзные и мировой рекорды добычи угля и прохождения горных выработок. Родилась шахта, взрастившая плеяду знатных шахтеров, отмеченных высокими правительственными и областными наградами и заслуживших уважение не только своих товарищей по труду и жителей города Березовский, но и всей Кемеровской области.

Через семь лет после сдачи шахты, 11 января 1965 года, рабочий посёлок Березовский приобрел статус города. В области появился девятнадцатый по счету город – шахтерский!

Эти два события (рождение шахты, а впоследствии и города) разделяют семь с небольшим лет, но фактически они неразрывно связаны друг с дру-

гом, так как шахта и посёлок Березовский строились одновременно, одним коллективом строителей и приняты в эксплуатацию как единый комплекс. В те далекие времена горнодобывающие предприятия строили обязательно с необходимым количеством жилья для шахтеров и объектами соцкультбыта. Без шахты не было бы этого поселка. Без рабочего поселка Березовский не было бы и города. История области убедительно показывает, что большинство шахтерских городов в Кузбассе росли по принципу: «шахта – посёлок – город». Символично и то, что названия шахты, поселка, а впоследствии и города также подчеркивают отмеченную взаимосвязь.

ШАХТА – НОВОСТРОЙКА «БЕРЕЗОВСКАЯ»

В ноябре 1955 года комбинат «Кузбассшахтострой» назначил меня главным маркшейдером БШСУ треста «Кемеровошахтострой», которое строило подрядным способом шахту «Березовская» треста «Кемеровоуголь». Будущая шахта располагалась в незастроенной части поселка Кургановка бывшего Барзасского района, а точнее – в глухой барзасской тайге.

31 ноября 1955 года, 24 лет от роду, я, молодой специалист, приступил к работе в должности главного маркшейдера. Сейчас, мысленно прокручивая период своей работы в Березовском ШСУ (1955–1960 гг.), поражаюсь своей смелости согласиться на столь ответственное назначение. Ведь в вертикальных стволах я только спускался и поднимался в клетях на производственных практиках, стволы не проходил и не армировал, копры с укосными ногами, шкивы и подъемные машины не устанавливал, серьезных сбоек выработок не имел. Одним словом, нужного опыта для такой должности у меня не было. Тогда я не задавался вопросом, почему меня, молодого специалиста, назначили исполнять столь ответственную должность? Наверное, других кандидатур просто не было. В те годы маркшейдеры неохотно шли работать в шахтное строительство из-за более низких окладов, чем на шахтах, из-за недостаточного числа маркшейдеров на выполняемые объемы работ и бытовой неустроенности в районах нового строительства. Однако я был уверен, что справлюсь с порученной работой, потому что умел работать с книгой, мог и занимался служебными делами дома, не стыдился обращаться за советом к более опытным товарищам. Наконец, у меня были помощники, мои коллеги в маркшейдерском отделе, консультанты в тресте и комбинате. Я с уважением вспоминаю начальников отделов треста «Кемеровошахтострой»: технического – Игоря Александровича Решетникова, производственного – Василия Семеновича Якина, главного механика Николая Емельяновича Муранова, а также главных маркшейдеров треста и комби-

ната «Кузбассшахтострой» Георгия Ивановича Каргополова и Валентина Васильевича Шрамко.

На строительстве шахты было много таких же молодых специалистов, как я. Мы одновременно учились, набирали опыт и работали. В итоге подарили области и стране первоклассную шахту мощностью 1 млн тонн коксующегося угля в год. Шахта «Березовская», осуществив реконструкцию (1975–1993 гг.), и ныне успешно действует.

ОСВОЕНИЕ БЕРЕЗОВО-БИРЮЛИНСКОГО МЕСТОРОЖДЕНИЯ КОКСУЮЩИХСЯ УГЛЕЙ

Шахта «Березовская» является первенцем Березово-Бирюлинского месторождения ценных коксующихся углей. Освоение этого месторождения планировалось начать ещё в 30-е годы прошлого столетия. Но затянувшиеся проведение геологоразведочных работ и строительство железной дороги Кемерово – Барзас, без которых невозможно начинать освоение нового угольного месторождения, отодвинули первоначально намеченные сроки. Осуществить инженерную подготовку района строительства помешала Великая Отечественная война. После войны, в связи с начавшимся бурным восстановлением народного хозяйства страны, потребовалось много металла, проката, рельсов, металлоконструкций и прочих изделий. Чтобы металлургическая промышленность смогла обеспечить эти потребности, нужен был кокс. Поскольку Донбасс находился в руинах, Кузнецкому угольному бассейну отводилась первостепенная роль в наращивании добычи коксующихся и энергетических углей, для чего нужно было срочно приступить к освоению двух ранее намеченных перспективных месторождений области.

Сразу после войны, 26 августа 1945 года, приказом наркома угольной промышленности В. В. Вахрушева в Кемерове был образован шахтостроительный трест «Кемеровошахтострой».

В помощь Кемеровской ГРП, находящейся в Кемерове, для поисков и разведки угленосных площадей в северной части Кузбасса с коксующимися и энергетическими углями в 1947 года была создана Глушинская ГРП с размещением в поселке Арсентьевка Барзасского района. А на имеющихся геологоразведочных данных Кемеровской ГРП уже проектировалась шахта «Березовская».

В августе 1949 года было образовано Березовское шахтостроительное управление с дислокацией в поселке Кургановка. Как видим, создание предприятий для освоения Березово-Бирюлинского месторождения коксующихся углей производилось оперативно. Начинать работы в плохо освоенном таежном районе, со слабо развитой промышленностью и инфраструктурой. Основное развитие в районе получили: лесное хозяйство (заготовка и сплав леса по рекам в районный

центр, посёлок Барзас, где из леса изготавливались в основном пиломатериал и тарная доска), сельское хозяйство и легкая промышленность. Бездорожье на большей части района, отсутствие в районе новостройки электроэнергетики, карьеров местных строительных материалов, объектов строительной базы – такова была ситуация.

На первых порах строителям приходилось завозить все со стороны – кирпич, цемент, песчано-гравийную смесь, пиломатериал, продукты питания и многое другое. И все это – по железной дороге с последующей перегрузкой на автотранспорт и тракторы.

Но, чтобы стране выжить после войны, восстановить народное хозяйство, нужен был уголь.

Надежная круглогодичная автодорожная связь с областным центром в 1955 году все ещё отсутствовала, не было даже автобусного сообщения в пределах поселка Кургановка, в том числе и с шахтой «Южная».

Прежде чем приступить к освоению Березово-Бирюлинского месторождения угля, на территории железнодорожной станции Забойщик был организован временный пункт для размещения первых рабочих, строительного мастера и специалиста по приему грузов БШСУ. Пункт был оборудован в пустующем складе и состоял из помещений для сторожа, мастера (Дмитрий Семенович Протченко), снабженца и жилья для рабочих и грузчиков. Чуть позже здесь появился металлический гараж на две грузовые машины. Сразу за гаражом простиралась барзасская тайга.

Наступление на тайгу началось в конце августа 1949 года от станции Забойщик из трех расположенных друг за другом таежных площадок восточного склона реки. Первая площадка располагалась восточнее станции примерно в полутора километрах. На ней был запроектирован временный жилой посёлок шахты. На этой площадке работы проводил второй строительный участок. От него до жилого поселка действующей шахты «Южная» было около двух километров бездорожья.

Старожилы стройки и жители поселка Федоровка рассказывали о курьезном случае, происшедшем на стройке со сборными финскими домами, предназначенными для сборки на втором участке (ныне они ещё сохранились и расположены вблизи Кургановского лесничества). Их ошибочно завезли на полустанок железной дороги Кемерово – Барзас у поселка Федоровка, расположенный примерно в 10 километрах севернее второго участка. Убедившись в ошибке, сборные каркасы привезли обратно на станцию Забойщик, оставив в Федоровке два многоквартирных дома. Эти два дома были собраны вблизи полустанка, в одном из них был устроен магазин, другой стал жилым.

Под промплощадку шахты была отведена площадка примерно в полутора километрах от участка № 2 в северном направлении (в сторону Анжерки) и в трех километрах от железнодорожной станции Забойщик. К промплощадке не было даже проселочной дороги. Кругом царил тайга. Здесь начал аналогичные работы, что и на участке № 2, строительный участок № 4.

Площадка под постоянный жилой посёлок располагалась в северо-западном направлении на расстоянии двух километров от промплощадки шахты. Строил постоянный посёлок участок № 1, от которого до станции было порядка пяти километров.

Площадки под строительство временного поселка, промплощадки и постоянного поселка были выбраны удачно – достаточно ровные и на возвышенных местах, с наличием естественных водостоков. Однако таежные грунты были обводнены, что затрудняло устройство фундаментов под жилые дома и промышленные сооружения.

Шахтостроителей и избытка шахтеров среди местного населения не было, поэтому руководство Березовского ШСУ вынуждено было укомплектовывать стройку рабочими и ИТР в основном за счет притока кадров извне, в том числе и выпускников профтехучилищ.

Собрали сборные одноэтажные жилые дома (баракы) и одно- и двухквартирные финские дома (за пределами горного отвода шахты). В бараках разместили временную контору управления, общежития и объекты соцкультбыта (2 магазина, столовую, парикмахерскую и пр.). Построили кирпичную баню и водокачку.

К лету 1955 года строительные работы на втором участке были полностью закончены.

На промплощадке после окончания работ по подготовке территории к строительству приступили к сооружению подстанции 35/6 кв и ЛЭП 35 кв от существующей Крохалевской подстанции 110 кв. Без подстанции 35/6 кв невозможно было начинать проходку вертикальных стволов.

Все основные сооружения на промплощадке возводила бригада каменщиков Егора Афанасьевича Тарасова. Он прибыл на стройку после демобилизации, вначале работал каменщиком, затем стал бригадиром, а после окончания курсов стал мастером, передав бригаду опытному каменщику Ивану Васильевичу Хрыкину. Е. А. Тарасов награжден в 1957 году орденом Трудового Красного Знамени.

Бригадой плотников участка № 4 руководил 60-летний Иван Ефимович Игнатов, который овладел многими строительными специальностями за 30 лет работы на стройках. Другую бригаду плотников возглавлял Кирилл Афанасьевич Супруненко.

Одновременно с подземными работами шло строительство на поверхности. В конце 1956 года

строительным участком № 4 (начальник Владимир Ильич Дукор, прораб Юрий Ведерников, строительный мастер А. Х. Хайруллин) было завершено строительство завода железобетонных изделий (ЗЖБИ) на промплощадке шахты.

Участок № 1 начал монтаж временного жилья (каркасно-щитовых сборных домов и бараков). Но многие из этих временных домов и баракостроителей стоят до сих пор, подтверждая поговорку строителей: «Нет ничего постоянного, чем временное».

Разбивочные работы для строительства поселка, в особенности капитальных зданий, в основном производились маркшейдерской службой стройки.

Кемеровская ГРП приступила к бурению контрольных скважин для уточнения гидрогеологических условий прохождения шахтных стволов. Гидрогеологические условия оказались очень сложными ввиду ожидаемых притоков воды до 100 куб. м/час, что и подтвердилось. Такие притоки воды при проходке вертикальных стволов требовали применения специальных способов проходки (замораживания или цементации пород, водопонижения), что не было предусмотрено техническим проектом шахты.

В одно время с геологами горный цех начал подготовку к проходке устьев клетового и скипо-клетового стволов.

Проходка клетового ствола была начата только в 1952 году, окончена в октябре 1954 года. Ствол был закреплен монолитным бетоном толщиной 0,55 м. Пройден обычным способом, без подавления притоков воды, поэтому и проходил почти два года. Проходка его велась преимущественно по обводненным песчаникам (60 %). Максимальный приток воды в ствол при проходке составлял 106 куб. м/ч. В 1954 году, вскоре после окончания проходки ствола, случилась непредвиденная крупная авария с водоотливом, в результате которой ствол оказался полностью затопленным, а у шахтостроителей появилась дополнительная проблема – откачивать воду.

Проходка скипо-клетового ствола (диаметр в свету 6 м) была начата в октябре 1952 года и велась обычным способом, в тех же горно-геологических условиях и по той же технологии, что и клетовой ствол.

Спустя шесть лет после начала строительства на стройке появился новый начальник – Андрей Филиппович Журавель.

Он родился в феврале 1920 года в семье крестьянина-середняка; вдали от Кузбасса, на Украине, но всю свою жизнь посвятил развитию нашей области.

Березовское ШСУ он возглавил в августе 1955 года, сразу после окончания высших инженерных курсов (далее – ВИК) в Новосибирске.

Новый начальник (четвертый с начала строительства) был опытным специалистом-строителем, участником строительства КМК.

Первым делом он перебазировал контору строительного управления со второго участка поближе к производству – на промплощадку строящейся шахты, для более оперативного руководства строительными участками № 4 и № 1 и горным цехом. Под контору, как и прежде, отвели одноэтажный барак, но уже с паровым отоплением от временной котельной на промплощадке.

А. Ф. Журавель был хорошим организатором строительного производства, требовательным руководителем, порой жестким, но справедливым и отзывчивым. И с уважением относился к своим сотрудникам. Многих рядовых рабочих из трехтысячного коллектива стройки он знал лично.

Автобусного сообщения между строительными площадками и конторой управления не было до 1957 года. Дорога к четвертому участку была единственной дорогой на шахту. При наличии места в машине, завидев знакомых людей, Андрей Филиппович останавливал машину и забирал их. Поскольку это случалось постоянно, а людей мы обгоняли в основном одних и тех же, то скоро водитель стал останавливать машину уже без приказа руководителя.

Вместе с А. Ф. Журавелем на стройку приехала его команда, однокурсники по ВИК, инженеры-строители: супруги Мальцевы, А. Д. Кривчиков, Юрий Ведерников и Иван Неткачев. Всего шесть опытных специалистов, а это уже сила.

Я появился на строительстве шахты глубокой осенью 1955 года, немногим позже команды Журавеля.

Мне пришлось сразу заниматься маркшейдерским обслуживанием работ, с которыми я ещё не сталкивался, – армировкой клетового и проходкой скипо-клетового стволов. Эти сугубо маркшейдерские работы выполнял Федор Тарасович Рыжухин, техник-землеустроитель. Вот он и оказал мне первую помощь и консультацию. Этот человек заслуживает, чтобы рассказать, как он стал шахтостроителем. Он окончил в 1938 году курсы землеустроителей в Томске, работал по специальности в Алтайском крае. Призван в армию в апреле 1941 года, демобилизован в сентябре 1946 года. В посёлок Кургановка приехал в 1951 году, устроился в производственно-технический отдел управления. Затем в связи с производственной необходимостью его перевели маркшейдером на разбивочные работы по оснащению стволов к проходке и разбивке временных и постоянных зданий на промплощадке. С Федором Тарасовичем мне повезло. Он оказался мастером на все руки не только на производстве, но и в быту – рисовал картины, играл на баяне, охотник, рыбак, пчеловод. Жил в доме, построенном собственными руками. Одаренный от природы смекалкой, наблюдательностью и умением все схватывать на лету, он помог мне быстро акклиматизироваться на новом

месте и оказался хорошим помощником и в дальнейшем. Не имея специального горнотехнического образования, он с успехом заменял его творческим подходом. Например, там, где требовалось произвести аналитические расчеты, он применял графические построения в крупном масштабе. Вычисление координат съемочных точек он производил с помощью специальных таблиц. Был он трудоголиком и жизнелюбом.

Беда грянула на маркшейдерский отдел в январе 1956 года – моих сотрудников уволили как внештатных специалистов. И остался я один в должности главного маркшейдера. Исправил возникшую сложную ситуацию главный инженер стройки Л. К. Григорьев – он оставил мне Ф. Т. Рыжухина, назначив его взрывником с исполнением обязанностей маркшейдера. Мы с Ф. Т. Рыжухиным вели работы в двух стволах и обслуживали горные работы с поверхности. Работать пришлось крайне напряженно – вдвоем за троих.

Так продолжалось до мая 1956 года, до выпуска приказа «Об улучшении состояния маркшейдерской службы в системе Министерства строительства предприятий угольной промышленности». В штатное расписание нашего управления были дополнительно к должности главного маркшейдера введены должности инженера-маркшейдера и инженера-геодезиста, то есть появилась возможность образовать небольшой отдел. В маркшейдерский отдел были приняты чертежница и два постоянных горнорабочих на маркшейдерских работах, а позднее и инженер-маркшейдер Семен Шершневец. Из рабочих маркшейдерского отдела назову двух, самых толковых. Николай Коняшин интересовался маркшейдерскими инструментами и впоследствии самостоятельно выполнял простейшие работы: съемку выработок, нивелировку рельсовых путей, продолжал направление в горных выработках, временно исполняя обязанности маркшейдера. Впоследствии работал машинистом выемочного комбайна. Леонид Никулин – старейший из маркшейдерских рабочих. Он отличался трудолюбием и исполнительностью.

К одной из приоритетных задач управления (кроме скорейшего развития горных работ), намеченных А. Ф. Журавелем на ближайший год, относилось форсированное строительство объектов строительной базы. Они требовались для окончания строительства шахты «Березовская» и последующих шахт. В число этих объектов вошёл строящийся на промплощадке шахты завод железобетонных изделий с растворобетонным узлом (пуск в 1956 г.).

Строительство приоритетных объектов собственной базы поддержали и утвердили в тресте «Кемеровошахтострой». Особый интерес в тресте вызвал завод железобетонных конструкций с же-

лезнодорожным тупиком, так как с его пуском значительно упрощалась сложная поставка управлению удлиненных сборных железобетонных конструкций. Управлению выделили необходимые средства на начало строительства собственной базы и завода ЖБК.

Вспоминается необычный случай, когда А. Ф. Журавель показал твердость характера даже по отношению к своему непосредственному начальнику – управляющему трестом А. И. Лосеву, причем в присутствии работников треста и стройки. Анатолий Иванович проводил в управлении совещание с главными специалистами и начальниками горных участков по поводу невыполнения стройкой указаний и заданий треста по ведению горных работ. Он начал «распекать» руководителей и ИТР горного цеха. Андрей Филиппович вмешался и вежливо, но твердо сказал: «Извините, Анатолий Иванович! Но перед трестом отвечаю я, поэтому в моём присутствии за упущения в работе прошу ругать меня. А я всем виновным воздам должное».

Главным маркшейдером треста работал Георгий Иванович Каргополов.

Мне вспоминается неприятный случай, происшедший однажды с нами при спуске в скипо-клетевой ствол, когда забой его приближался к сопряжению с горизонтом +100 м. В бадье, кроме меня, были Ф. Т. Рыжухин и Георгий Иванович. Машинистом подъема в ту смену работала Ольга Хрякова, известная своей лихостью на рабочем месте, то есть способностью спускать и поднимать людей в бадье с максимальной скоростью. Не изменила своей привычке машинистка и на сей раз, спуская в забой нас. Примерно в 30 м от предохранительного полка произошло аварийное отключение электроэнергии бадейного подъема и сработали тормоза подъемной машины. Не хотелось бы мне ещё раз пережить такой случай. Бадья по инерции пошла вниз – мы очень хорошо почувствовали, что канат вытягивается – потом вверх, бадья покачалась несколько раз и остановилась. Мы облегченно вздохнули и разом заговорили, наверное, каждому из нас требовалось снять стресс. Висим в бадье, разговариваем, ждем, когда подадут энергию на бадейный подъем. Пришлось нам спускаться на полку на тормозах подъемной машины, а подниматься на поверхность в бадье материального подъема, который обеспечивался независимой подачей электроэнергии. Выходим с нулевой площадки ствола, навстречу нам спешит взволнованный горный мастер Иван Павлович Чудов (не освоенный секретарь комсомольской организации). Оказывается, при спуске нас на тормозах до подвешенного полка еле хватило тормозной жидкости.

У меня остались о Георгии Ивановиче Каргополове самые тёплые воспоминания, как о моём учителе, чутком человеке и прекрасном специалисте.

При Журавеле Березовское ШСУ стало сверхкатегорным, одним из крупнейших управлений в комбинате; оно вынуждено было производить собственными силами все строительные работы в рабочем поселке Березовский, так как других управлений, кроме дорожно-строительного управления (далее – ДСУ), здесь не было.

А. Ф. Журавель и его команда сразу поняли, что стройке необходим щебень, чтобы заменить хотя бы наполовину привозную песчано-гравийную смесь (далее – ПГС), нехватка которой нередко сдерживала строительные работы. С развитием горных работ потребность в ПГС и щебне существенно возрастала. ПГС привозили из Кемерово по железной дороге, не всегда вовремя, к тому же обходилась она стройке дорого, особенно зимой из-за трудностей разгрузки смерзшейся ПГС. Нужен был свой щебень, изготовленный из местных природных пород. А они были рядом. Нужно было построить карьер на Федоровском месторождении известняков и дробильно-сортировочную установку, позволяющую выпускать щебень по фракциям и даже мытый щебень, так как месторождение известняков располагалось на правом берегу реки Шурап, к тому же рядом с железной дорогой Кемерово – Барзас и небольшой деревушкой Бирюли. Простиралось месторождение от этой деревни вдоль реки, вплоть до поселка Федоровка. Жители Федоровки использовали известняк для выжигания извести. Руководил заготовкой извести для Березовского ШСУ мастер Мотырев, житель Федоровки.

Федоровский каменный карьер и дробильно-сортировочная установка были запущены в эксплуатацию в установленные сроки.

Но развитие горных работ значительно отставало от желаемого, хотя шёл седьмой год с начала стройки. И этому были объективные причины. Вертикальные стволы проходились в тот период с помощью временных проходческих машин, копров и бадей с последующим переходом на постоянные подъемные машины, постоянные копры и трехтонные вагонетки.

В связи со значительным отставанием проходки стволов и околоствольных выработок перед руководителями стройки в 1954 году встал вопрос, как наверстать время, потерянное при проходке стволов и околоствольных выработок? Решили проходку бремсбергов начинать сверху, с поверхности, хотя это и более трудоемко, так как фактически будет проходка уклонов, а не бремсбергов. Проходка уклонов сложнее и дороже и с меньшими темпами из-за отсутствия в те годы средств механизации для погрузки угля и породы – породопогрузочных машин. Погрузка проводилась вручную.

После окончания армирования клетового ствола и переоборудования временного клетового

подъема на работу по постоянной схеме началась проходка околоствольных выработок.

Длительное затопление клетевго ствола впоследствии отрицательно повлияло на скорость проходки околоствольных выработок в связи с увеличением обводненности пород.

К проходке с выработки по крепким песчаникам и огромным притоком напорной воды – более 90 кубометров в час! – приступила сквозная комплексная бригада Алексея Михайловича Семенова. Напор воды в породном массиве был настолько силен, что струи из пробуренных шпуров вырывались фонтанами на несколько метров в сторону ствола и даже выбрасывали буровые штанги. Проходку этой выработки пришлось остановить и отперемычить до снижения притока воды. Бригада двинулась к водосборникам обходным путем – стала форсировать проходку однопутевой клетевой порожняковой выработки к обгоночной ветви, чтобы потом с обгоночной ветви повернуть на север, в сторону водосборников. Этим достигалась также скорейшая сбойка между стволами в соответствии с требованиями Правил безопасности.

Примерно в середине 1956 году в скипо-клетевом стволе приступили к очень сложной и ответственной работе: разделке и бетонировке сопряжения ствола с выработками гор. + 100 м. Руководил работами начальник участка №1 горный инженер Ефим Иосифович Молдавский. Он приехал на стройку после окончания института и начал работу горным мастером сразу с проходки клетевго ствола.

Повторная сбойка выработок между стволами произошла в пределах двухпутевой выработки обгоночной ветви. У горняков появилась возможность после этой сбойки начать проходку обгоночной ветви на север, в сторону водосборников, проходка которых находилась на «критическом пути». Одной из главных задач в проходке околоствольных выработок, наряду с проходкой водосборников и постоянной насосной камеры, являлось скорейшее продвижение бригадой почетного шахтера А. М. Семенова клетевой порожняковой выработки на юг, к узлу №1, от которого начинался квершлаг «юг», вскрывающий на горизонте + 100 м пласт первой очереди под номером 24. Это задание сквозная комплексная бригада с честью выполнила в марте 1957 года. Главный квершлаг «юг» бригада проходила по-скоростному: сначала 110, а затем 140 м в месяц при плане 60 м.

1956 год оказался переломным в развитии горных работ на строящейся шахте. И не только потому, что появился энергичный и пробивной начальник стройки Андрей Филиппович Журавель, но также из-за того, что дальше отступать было некуда – были сорваны установленные сроки строительства шахты, и за это стали строго спраши-

вать. Андрей Филиппович стал практиковать регулярные групповые поездки (2–3 раза в год) в проектный институт под своим руководством – в основном главных специалистов управления, с целью быстрого решения возникших проектных вопросов, согласований по изменению и корректировке проектных решений.

Технология отработки угольного пласта 24: нужно было нарезать семь лав, в которых выемка угля будет осуществляться широкозахватными комбайнами типа «Донбасс», а крепление лав производиться деревом. Шахтостроителями проектные решения были исполнены.

Первое знаменательное событие для строящейся шахты (встреча через 2 года напряженной работы проходчиков участков №1 и 3 в забое основного штрека) произошло в ноябре 1957 года. Ответственная «сбойка» произошла успешно, с несмыканием встречных забоев по высоте на 0,15 м. Второе знаменательное событие для стройки произошло вслед за первым, в декабре 1957 года, – забой основного штрека С-В горного участка № 2 также сбился успешно, тоже через два года, с забоем основного штрека Ю-З участка № 1.

Комбинат «Кузбассуголь» был озабочен тем, что на предпусковой шахте готовят к пуску 7 лав по одному пласту, причем самому высокозольному и при отсутствии обогатительной фабрики в районе действия будущей шахты. Поэтому он обязал заказчика (трест «Кемеровоуголь») и подрядчика (Березовское ШСУ) форсировать работы по вскрытию и подготовке малозольных пластов 26 и 27, более того, скорректировал пусковую программу, включив в неё дополнительно к семи лавам пласта 24 одну лаву № 8 по пласту 26, оставив прежним срок пуска шахты в эксплуатацию.

Но и для подготовки одной лавы № 8 нужно было выполнить большой объем работ, на что потребовалось бы порядка 2,5 года. У нас же оставалось до пуска шахты всего 1,5 года. И нужно было уложиться в ранее установленный срок. Чтобы выполнить возросшую пусковую программу в оставшееся время, главный маркшейдер треста «Кемеровошахтострой» Георгий Иванович Каргополов и автор настоящего очерка предложили ускоренный вариант подготовки дополнительной лавы № 8 пласта 26 с расчетом заложения гезенка между пластами 26 и 27. Наше предложение было одобрено руководством управления, принято заказчиком и осуществлено горным цехом БШСУ в установленный срок.

Благодаря нашему предложению лава № 8 была ооконтурена до первого января 1959 года Березовское ШСУ сдало в эксплуатацию шахту «Березовскую» в установленный правительством срок, а шахта «Березовская» запустила лаву № 8 пласта 26 в работу в январе 1959 года.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АККОРД

В июне 1958 года трест «Кемеровоуголь» назначил директором предпусковой шахты «Березовская» Владимира Павловича Фурсу, успешно работавшего до этого главным механиком шахты «Южная». Главным инженером шахты был назначен Виктор Демьянович Клочков.

В июле 1958 года приказом начальника комбината «Кузбассуголь» создана комиссия по приему в эксплуатацию шахты. Приемная комиссия приняла решение провести до 1 ноября 1958 года пробную проверку работоспособности всего смонтированного оборудования в шахте и на поверхности. Иными словами, провести пробный запуск технологической транспортной цепочки «уголь из лавы в железнодорожный вагон». И этот запуск успешно свершился 31 октября 1958 года. Шахтостроители

смогли наверстать время, упущенное за первые шесть лет строительства.

Для пуска шахты коллективу горного цеха потребовалось пройти 17 километров подземных выработок, подготовить семь очистных забоев (лав) с суммарной линией очистного забоя 900 метров. Чтобы построить шахту в комплексе с жилым поселком строителям потребовалось девять лет. По тем временам это не такой уж большой срок, учитывая применяемые в те годы технологические схемы строительства, не всегда обеспечивающие сокращение сроков строительства, в том числе стволов. Привожу простые, скупые слова из «Акта государственной комиссии»: «Принять шахту «Березовская-1» в эксплуатацию при хорошем и отличном качестве строительно-монтажных и горнопроходческих работ».

Подготовил к публикации В. ИВАНОВ

ШАХТЕРСКИЕ ЗНАКИ

